

АЛБАЗИНО

Лирический репортаж

1.

Невзрачен мир, когда в нем нет дорог.

Обманчиво пространство обжитое

Коварными капканами покоя,

Душевной дремой. Но бывает срок —

И будто провиденья мудрый перст

Нам путь укажет к перемене мест.

Без смысла мир, когда в нем нет листа —

Бумажного листа для найденного слова,

Чтобы потом оно вернуло снова

В увиденные дальние места.

Где горизонты растворяли нас,

Туда вернемся в мыслях мы не раз.

Мир обречен, когда в нем места нет

Для благодарной памяти потомков:

Его судьба — быть грудой обломков

Под тяжестью происходящих бед.

И в этой старине, почти забытой,

Для дня сегодняшнего — опыт и защита.

2.

Я доводы все эти изложил,

Чтоб ими объяснить свою поездку,

Сорвавшую с насиженного места,

Где я бесцветно и безбедно жил.

Куда, зачем и с кем — тут не расскажешь просто.

В компании, большой и слишком пестрой,

Главой — Профессор, в возрасте слегка,

Она была профессор языка.

На россыпях его она искала

Старинные и скрытые начала

Сегодняшних для всех привычных слов.

Был Режиссер для телевизионных снов.

Музейщик был, историю насквозь

Пронзавший острым ироничным взглядом.

За столиком устраивался рядом

Издатель местных, самых разных книг.

И между ними я непрошено возник —
Для многих новый непонятный гость.

В купе соседних лиц полужнакомых
Глаза глядели школ, библиотек,
Филологических студентов новый век
На нас глядел, как смотрит на бизонов,
Почти что вымерших, живущий человек —
С полубрезгливой жалостью.

Поодаль
Сидел Писатель с сумрачным лицом,
Всегда казавшийся надменным гордецом,
Попеременно: Фауст — Мефистофель.

Да, вот еще, — собравшись кучкой тесной,
Здесь с нами ехали посланцы Поднебесной.
По русской филологии спецы,
Не понимавшие по-русски, подлецы.

Куда мы держим путь? — В Албазино,
Где больше трех веков назад, давным-давно,
Россия утверждалась на Амуре,
На что соседняя держава, брови хмуря,
Прищуренно глядела и темно.

Сюда любили ездить краеведы
Порассуждать про древние победы,
Слои землицы прошлого порыть,
И из того, что позарыли деды,
Для равнодушных внуков приоткрыть.

Вначале центром этого селенья
Старинный был бревенчатый острог,
Позднее — церковь, школьные строенья.
И сохраняли Сабля, Плуг и Бог
Живущий здесь народ от истребленья.
Потом другие времена возникли:
На месте церкви с кладбищем воздвигли
Очаг культуры новой — новый клуб,
И этот серый угловатый куб,
Под коим скрыты пращуров могилы,
Являл собою очевидный символ
Забвения пережитых времен.
И в новых временах здесь песни, танцы

Нечистой силы длились окаянством
Над прахом, что под клубом погребен.

Но нет греха, за коим нет расплаты, —
Селенье, многолюдное когда-то,
Помалу стало чахнуть и пустеть,
На что нельзя было без горести смотреть
С печалью, запоздало виноватой.

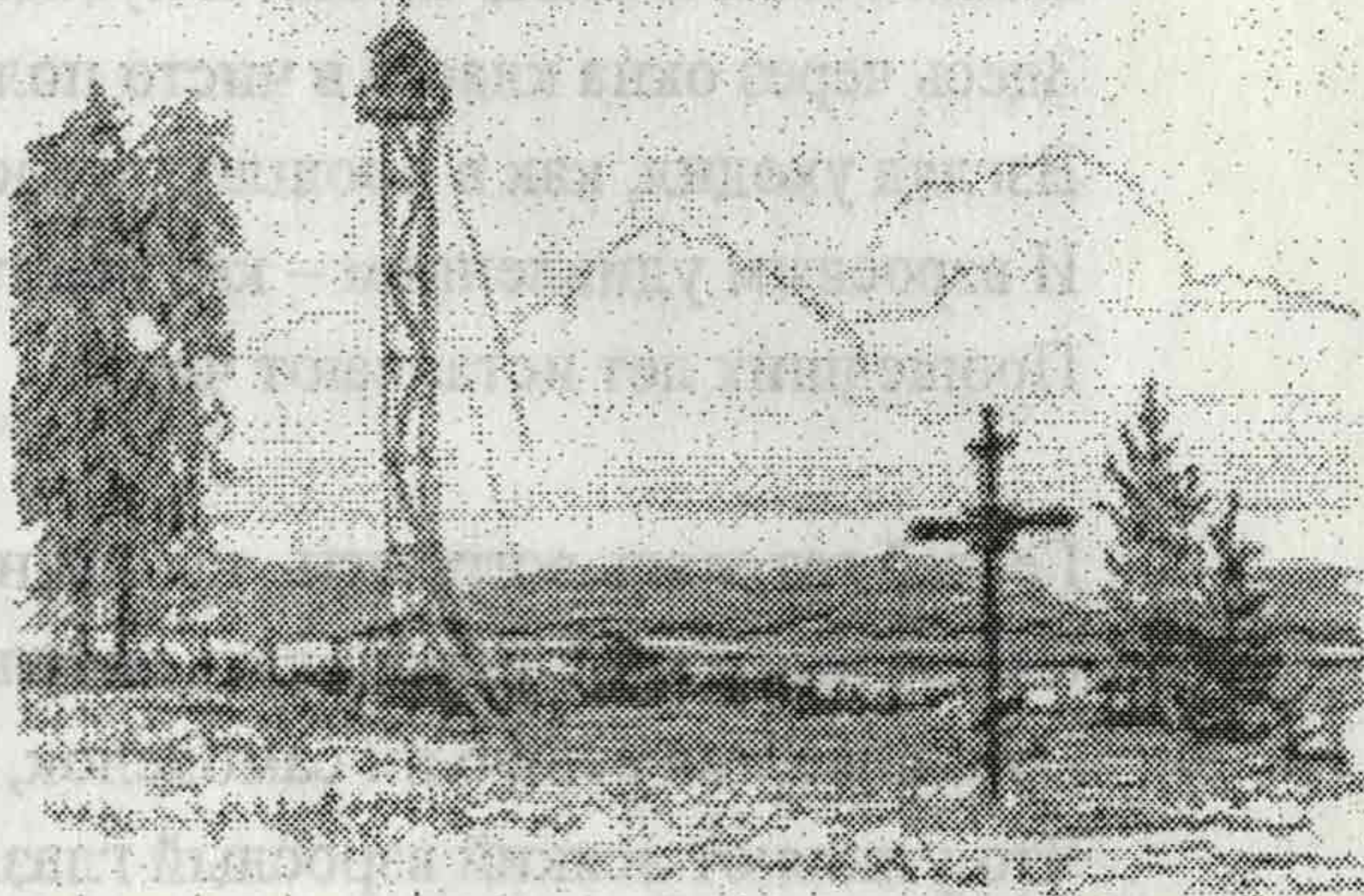
И вот одна из местных старожилок
Надумала в селе создать музей
И в нем собрать, что время сохранило
От лет, прошедших на земле сей.

Музей возник, чтоб оживать надежде
На продолжение прервавшихся времен:
Благословением от жизни, бывшей прежде,
День будущий вдруг будет сохранен?

С тех пор полузабытое село
Музеем новую известность обрело.
Паломники сюда издалека
Стекались на крутые берега
И, уезжая, в душах увозили
Тот дух былой, несломленной России,
Какой была она в прошедшие века,
И благодарность той Хранительнице мудрой,
Чей ныне прах покоится в земле,
Душа — на небе. Ангел златокудрый,
Она глядит на нас, в земной снующих мгле,
Даря надежду, что настанет утро.

Паломниками тоже были мы.
В стекле вагонном длился мглистый вечер,
Потом — глухая ночь, потом из тряской тьмы,
Колес и рельсов сбивчивых наречий
Нам утро глянуло в немывтое окно
Названьем странным — «Сковородино».

3.
Длинна была разбитая дорога.
По обе стороны — холмистая равнина
С лесами и полянами цветов
Казалась тоже бесконечно-длинной.

На несколько часов – ни поля и ни стога,
И то отсутствие вокруг людских следов
Опустошало душу понемногу.

Но все ж приехали. Нас поселили в школе –
В июньской школе, чистой и пустой.
Здесь через окна класса в чисто поле
Взгляд уходил, как в прошлое, с тоской
И взрослым удивлением – как быстро
Прошедших лет истаивают числа!

Гостей готовясь встретить, школа нас
Своею выставкой порадовать хотела
Из множества ребячьих самоделок,
Что умиляют всякий взрослый глаз.
Но умиление это как-то гасло
На новом фото выпускного класса –
Из трех учеников был этот класс.
Со вздохом объяснили нам, что в школе
Немногим четырех десятков боле
Учеников всего – такие времена...
А для сравнения – почти что старина –
Лежал учительский журнал, ему полвека,
И в каждом классе – тридцать человек,
А то и больше. Тот суровый век,
Выходит, лучше был для человека...

Журнал листая давних тех времен,
Находишь в нем немало троек, двоек
Напротив ученических имен.
Сейчас вы не увидите такое!
Пятерки были редки, как награды,
И в том была рука суровой правды,
Не терпящей поблажек сладкой лжи,
Эпохи, пережившей блиндажи...

Уже под вечер берегом Амура
Бродили одинокие фигуры.
Глазам приезжих дальний горизонт
С крутого берега виделся бескрайне,
И ветер был подобен древней тайне,
И тайной был наполнен шепот волн.
У каждого своя рождалась мысль,
Свое с природой чистое созвучье,

И благодарность за счастливый случай,
Что так неожиданно здесь мы собрались.

На берегах, почти совсем безлюдных,
Мне было самого себя нетрудно
Представить в тех далеких временах,
Когда был прадед мой меня моложе,
А дед моложе был сынов моих.
И с ними мы сегодня стали схожи
Тем, что увиделось нам здесь одно и то же.

Тогда они сплавлялись на плотах
Из Сретенска со скарбом по реке,
Полтавщину оставив вдалеке,
Для новой жизни в этих вот местах.
И проплывая близ Албазина,
На старые кресты его крестились.
Им в том Албазине была видна
Россия, что и здесь бескрайне длилась.

Пора к жилью — продолжить эти думы...
Но вот навстречу мне, лицом угрюмый,
Шагал Писатель. Рядом шел Монах.
Меж ними разговор, неслышный мне, ветвился,
Суровый отблеск отражался в лицах
От размышлений, длившихся в умах.

Для всех любимцем тот Писатель не был,
О том, я думаю, он сам прекрасно ведал.
Тяжел в общении, в оценках был жесток,
Во всяких спорах — резок и неистов,
Не склонен к компанейским компромиссам —
Имел недаром диссидентский срок.

Похоже, жизнь нелегкую прожил он,
В любом мешке оказываясь шилом.

Кивнув им, я скорее зашагал
Туда, где школа окнами светилась,
И где желанный, словно Божья милость,
В буфете школьном скромный ужин ждал.

4.
Но с Божьей милостью — совсем не тут-то было,

Поскольку мне Профессор сообщила,
Что, по всеобщему желанью здешних дам,
Назначен был литературный вечер.
Свои стихи читать я должен там,
И об отказе не могло быть речи!

Я наспех перебрал репертуар
Пока глотал, не разбираясь, ужин,
И через полчаса, умыт и наутюжен,
Пришел к читателю – тому, кому был нужен.

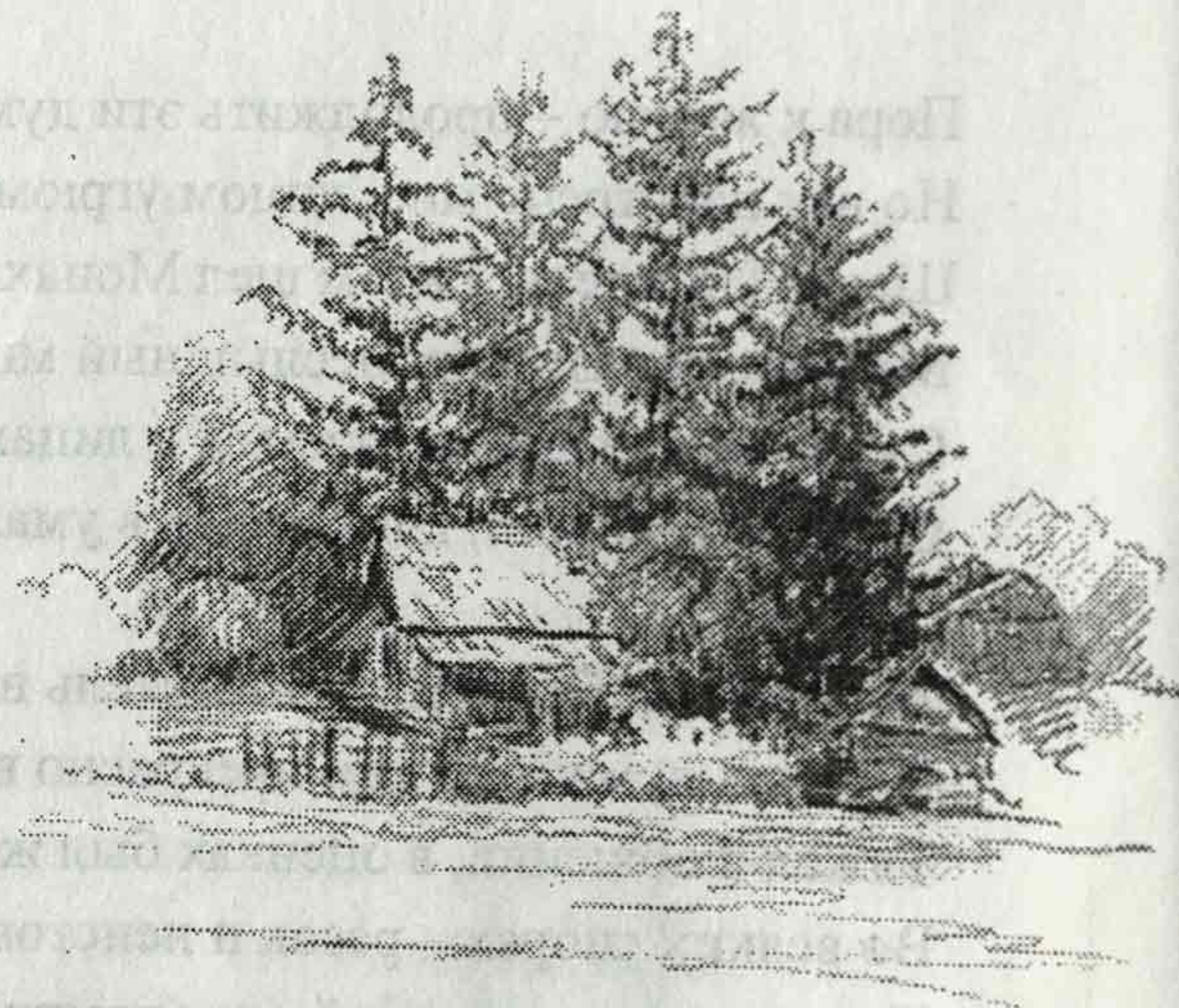
Здесь ждал меня мой скромный гонорар –
Внимание, с которым смотрят телик.
Во взглядах я читал: «Мели, Емеля!»

Читатель – чаще прост, писатель – чаще хитр.
Когда, по общему негласному согласью,
Плетутся словеса о буйствах страсти,
О юности, ушедшей как туман,
Непреходящий зуд сердечных ран,
То это называется – стихи.
Стихи – нас охмуряющий обман.

Я пребывал, мне кажется, в ударе,
Переходя в своем репертуаре
По нисходящей – в шутовство и смех.
И тут вот, с укоризною для всех,
Писатель стулом громыхнул – и вышел.
Но я парил, всех обстоятельств выше –
На мелочь что вниманье обращать,
Я ничего, кроме себя, не слышал!

Но кончен бал, вопросы и ответы.
Все разошлись, довольные собой.
Я перед сном пошел бродить без света
Вдвоем – с какой-то болью головной.
Какой был длинный день! Ах, да! – конец июня!
Вершина лета, к осени опять
Качнется время, холодами дунет,
И ничему не возвратиться вспять!

Я повернул к огням, но в этот миг
Передо мною в сумраке возник
Писатель с вечно сумрачным лицом.

Он, как и я, бессонницей томимый,
Прогуливался, видно, где-то мимо.

«Ну, вы сегодня – прямо мотылек!
Порхали, источая обаянье,
И привлекали женское вниманье
Шуршанием беспечных легких строк!
И с этим вас сейчас поздравить можно,
Но все ж прошу вас, будьте осторожны!
Я не завел бы этот разговор,
Когда бы изредка у вас не попадалось
Пронзительное что-то. Хоть и малость,
Но брезжит иногда сквозь всякий сор.
Вам, верно, надо быть к себе построже,
Но, впрочем, вам видней. Спаси вас Боже!»

Сказав все это, он исчез во тьме,
Как будто лишь привидевшийся мне.

5.
Блеснуло утро. Все блаженно спали.
Мне не спалось, и я пошел к реке.
Лучи восхода оживляли дали,
И оживали дали вдалеке.

Китайские филологи гуляли,
Конфуция гоняя вдоль ума,
Глазницами окон на них взирали
Заброшенные старые дома.
Калитки, ветром тронуты, скрипели
И нам одну и ту же песню пели –
Про канувшие в вечность времена.

Друг друга понимали мы без слов.
Ведь это, нам открытое, пространство
Рождало нечто вроде резонанса –
Взаимопостижение умов.

Их мысли были для меня прозрачны:
Им, детям муравейников барачных,
Клочков полей и горсточек еды,
Простор пустых пространств степей, лесов, воды
Как нам, едва ли виделся красивым, –
Скорей, обидным и несправедливым.

Востока терпеливый цепкий взор
Глядел с надеждой на царивший здесь разор,
Глядел в историю как не на цепь событий,
Но как на маятник, чередованье волн
В огромнейшем Евразии корыте.
Восток, здесь уступив почти без войн,
Прогнувшись от славянского потока,
Теперь готов к ответному потоку —
И, может быть, уже начался он?

В истории есть выдохи и вдохи,
И было ясно, кто в какой эпохе...

6.

Читатель! Я загнал тебя в минор.
Сейчас другой начнется разговор.

Сегодня нас на праздник пригласили
В Музей. Пораньше мы туда пойдем
И порассмотрим, что хранится в нем
От бывшей жизни бывшей здесь России.

Вот место, где когда-то был Острог,
Тут крови было пролито немало.
Острог тот население берег,
Которого всегда недоставало.

.....

Острогу память — деревянный крест.
А рядом — мачта вышки пограничной.
На месте этом нес казак-станичник
Суровую охрану здешних мест.
С тех пор здесь русский флаг — он над Музеем реет.
Над кронами поодаль голубеет
Часовни маковка. Рассказывают так:
Предпринимательница, женщина из местных,
Решила на селе затеять бизнес,
Но то ли та затея развалилась,
То ль по другим причинам неизвестным,
Все созданное враз распродала,
Вложила деньги в Божии дела.
С тех пор часовня эта здесь стоит,
Собою украшая местный вид.

В ней служит лишь один Монах Аркадий,
(Его уже встречали мы вчера),
С ним познакомиться нам не пришла пора,
Немного погодите, Бога ради!

Музейный двор сегодня многолюден,
Зато почти безлюден среди буден,
Когда его приятней обойти.

В неторопливом вдумчивом пути
Глаза в глаза побыть со стариною,
Потрогать недоверчивой рукою
Старинной пушки замершую медь,
И что-то ощутить, что будет впрямь
Вам помниться случайно, неслучайно,
И что-то напевать, и душу греть,
И оставаться сказочною тайной.

То – тайна времени... Но нынче не до тайн.
Здесь затевалось праздничное действо,
В котором все впадали будто в детство,
Когда доверчиво играли в Первомай.

Позировали пришлые казаки,
Сверкали ножны, орденские знаки
Заслуженных Георгия крестов.
В кокошниках готов был хор района.
К приезжому начальству быть поближе
Старалось местное начальство, что пониже,
Слегка дрожа: довольно ль будет оно?

Не виделось лишь сложенных перстов
Благословенья на начало действия
Священника (куда и впрямь он делся?).
И все же начали – начальству путь обратный
Сегодня предстоял, едва ль приятный...

Сюжет привычен и неинтересен:
Все было как всегда. Чередование песен
С ораторов призывными речами
И праведным сверканием очами
При заклинаньях о величии России,
О неизбывной правде в ней и силе...

Все пребывали в тихой благодати,

Но, как всегда, испортил все Писатель:

«Затеян праздник – только для кого?»

И в паузе за фразою его

Тут огляделись все произвольно –

Вот полтора десятка нас, приезжих...

За спинами начальства пялил вежды

Наряд милиции... районный культдесант...

Из местных был всего один пацан

Персоною совсем не протокольной.

Писатель же, исполненный нахальства,

Закончил фразу: «Праздник – для начальства!»

«Нет, что за страсть у неких между нами

Все называть своими именами?

Есть тихий сговор (называйте – такт),

Помалкивать, когда вдруг что не так!» –

Как будто за моей спиною голос

Разумно прошептал. Не оглянулся я.

Тот голос, может, был внутри меня...

Слегка запнувшись, праздник длился ровен.

Вот из десятка заостренных бревен

На новом месте будущий острог

Заложен был, – быть может (час неровен),

Острог для авторов вольнолюбивых строк?

Народ наполовину расходился,

Когда среди толпы, высок и прям,

Священник запоздавший появился.

Ясна причина опоздания вам:

Немало одолеть пришлось дорожных ям

Грузовичку его, что для японских

Дорог был создан – или для эстонских.

И служба освященья началась!

Народ сюда стекался ручейками,

Глазела ребятня, и между нами

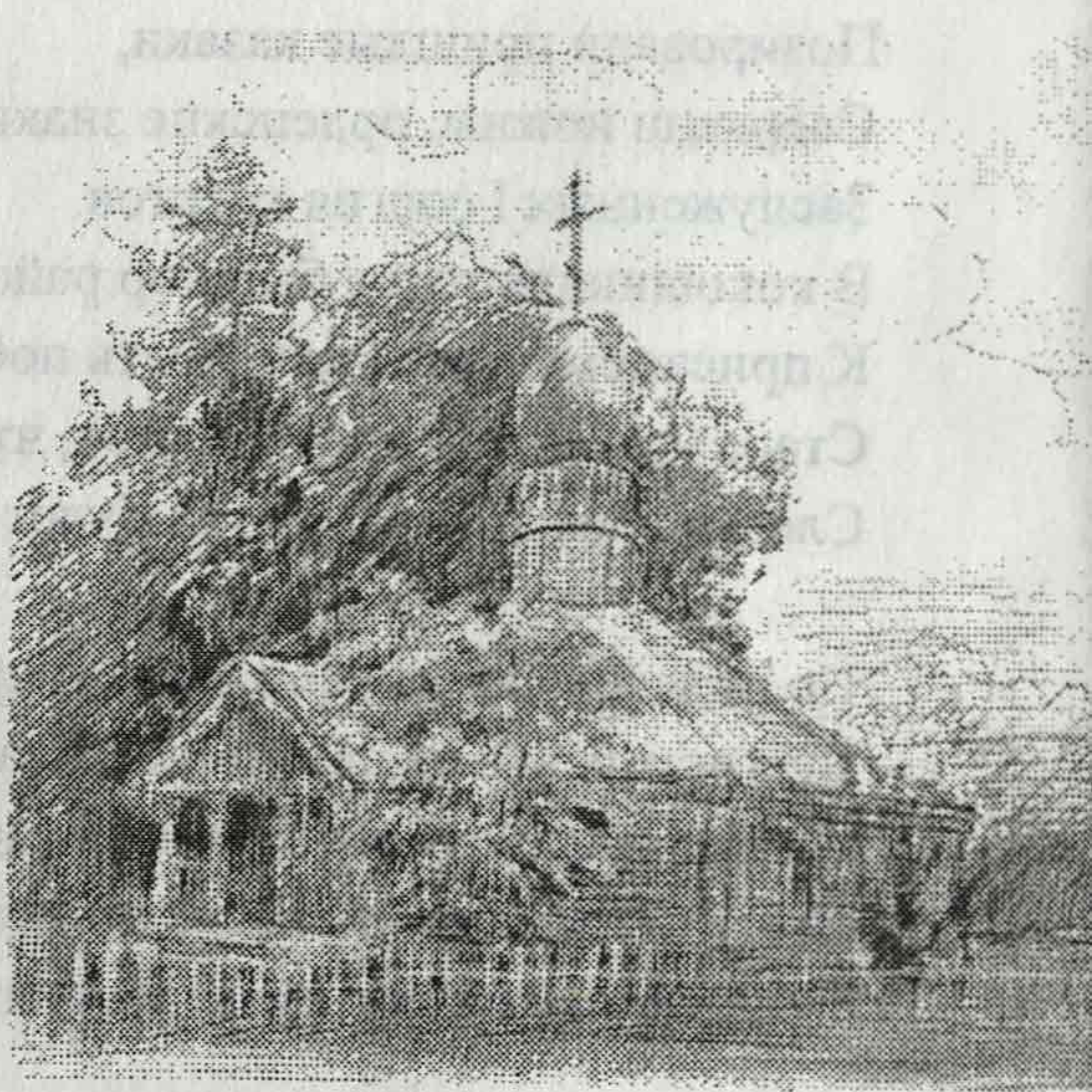
Стояла, необученно крестясь, –

Из них никто на службе не был в храме...

Есть пастырский талант, есть службы вдохновенье,

Как дар учителя, что помнится всю жизнь,

Сквозь виражи ее и миражи

До самого последнего мгновенья.
Наверно, в искренности кроются секреты,
Которую дышала служба эта.
Отец Игнатий! Низкий вам поклон,
Мы были счастливы на освящение том.

7.

Про разные в истории исканья
Потом рассказывали люди разных званий,
Но не о знаниях сегодня думал я.
Мне так казалось: здешние просторы
Красноречивей всяких разговоров
Об исторических загадках бытия.
И я бродил по улицам пустынным,
Здоровался со встречными, молчал,
Неведомое что-то различал,
Встречаясь взглядом с лицами простыми.

Хранили тайну здешние места,
И дух мерцал какой-то чудотворный,
Который созидала сень Креста,
Веками здесь царившая упорно,
Одушевленным воздухом молитв
И памятью могильных старых плит.

Для этого я слов не находил,
Перебирал, отбрасывал их снова.
Но вдруг как будто Ангел протрубил:
«Намоленность» – слышалось мне слово.
Я оглянулся – то Монах Аркадий
Стоял поодаль, вдаль куда-то глядя.

Все эти дни мой взгляд его встречал
То здесь, то там. Обугленная ряса
На улицах была приметна глазу.
В седеющей курчавой бороде
Улыбка проскользнула дружелюбно,
Суровостью сменилась через миг,
Как у библейского пророка сделав лик.
Он подошел, молчал, и я молчал,
И то молчанье не казалось трудным.
Потом неторопливый разговор
Неспешные шаги сопровождали,
Как будто бы с каких-то давних пор

Мы встретиться друг с другом ожидали.
Ему — сказать, а для меня — услышать
Сегодня было Господом дано —
Вот для чего я здесь, в Албазино.

Словами Веру не пересказать.
И я не стану, выглядя речистым,
Того пытаться делать. Только чистым
Даруется такая благодать.
Неведомо, как вы, — а я отвык
От слов простых, простых и ясных мыслей,
В них отраженных, будто бы язык
Стал способом хитрее и цветистей
Запрятать правду, ее ясный лик.

Поговорив, мы разошлись во тьме.
Светилась узкая тропинка, и во мраке
Я вспоминал о встреченном Монахе,
Его словах, его простом уме,
В котором все по-детски разделилось
На свет и тьму, на грех и Божью милость,
И между ними вечной быть войне,
А на войне быть и тебе, и мне —
На той или на этой стороне.
Но мудрость в том, чтоб видеть эту грань,
И мужество иметь — не пересечь границы,
За коей ни тебе не сохраниться,
Ни близким, ни потомкам, ни стране
На этой нестихающей войне.

Я улыбнулся — все же повезло
Застать нам сказки про добро и зло,
На коих вырастали наши деды —
И вырастали дедовы победы.

8.

Я возвратился в школу. Пуст был класс,
Лишь Режиссер наш, огрузивший койку,
Включил имевшуюся здесь видеодвойку,
Смотрел в экран, на койке развальясь.

В наборе школьном новые мультяшки:
Метались там экранные бедняжки —
То динозаврики, то монстрики-дворняжки,

То по-английски, то по-русски говоря.
В мельканье этом смысла было мало,
Но так забавно все это мелькало,
Что время, видно, тратилось не зря —
Не только детское, но даже режиссеров.
Я лег заснуть, но не заснуть тут скоро,
Когда после Монаха разговоров,
Резвилась нечисть, споря и оря,
На наш язык в синхронном переводе.

Я вышел отдышаться на природе.

За школой голубеющая даль
Глядела в запрокинутое небо,
Соединив надежду и печаль,
Небесное с земным, как быть и небыль.

Здесь Божий мир оказывался жив,
Добро — тесным, но не побежденным,
Согласно всем естественным законам
Его не исчезали рубежи.
Особенно вот здесь, в глухой глуши,
Столь отстраненной от столичной лжи.
Все от того, что телевиденья здесь нет
И денег для журналов и газет.
А главное — что нет в глубинке сельской
Окладов, должностей для касты фарисейской.

9.
Обратный путь сулил нам новый день.
Светило солнце, улыбались дали.
И мы друг другу тоже улыбались,
Сомненья и унынья сбросив тень.

Вновь повторялась прежняя дорога,
Но стало больше по лугам цветов.
В разрывах рощ их виделось так много,
Как до сих пор не видывал никто.

Так раньше ехали, святых изведав мест,
Паломники очищено иными.
Над нами будто пели херувимы,
Что каждый пробудился и воскрес.
Так с литургии бережно несут

Души своей наполненный сосуд.

Счастливою слезою на рубахе
Я вспоминал в который раз подряд
Награду слов Аркадия-монаха:
«Спаси тебя, Господь. До встречи, брат!»

6 июля 2009

Б. И. Черных

ВСЛЕД ЗА СОБЫТИЕМ. ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Станица Албазинская, самая именитая на Амуре – обетованная земля для казаков, кои пришли сюда с Муравьевым-Амурским.

* * *

Сейчас всё реже удаётся побывать в Албазине. Причина? Расстояние от Благовещенска немалое. И годы мои немалые. А ещё дороговизна. Плацкартный билет до станции Сквородино (подлинное название Рухлово) стоит 800 рублей. На семью 2400. Туда и обратно 4800. Больше пенсии. Жена работает в фирме «Россия». Но зарплату задерживают. Однако нашлись добрые люди, и мы ринулись в дорогу, не догадываясь, что от Сквородина до Албазина добраться будет сложнее. По неожиданной причине. Нефтепровод «Россия – Китай» заполнил автотрассу на Джалинду тяжёлыми машинами, груженными огромными трубами, разбили трассу вдрызг. Идут затяжные дожди, наши автобусы увязли в трясине. Если бы не китайская делегация, пришлось бы до ночи куковать. Китайцев ублажали.

И – сбылось. Добрались. Встретили нас благостно. Берёзовым соком не опоили, но чай, с устатку, был крепок.

* * *

Поводом для приглашения в Албазин послужили Чтения памяти Агриппины Николаевны Дорохиной, в девичестве Суриковой. Агриппина относилась ко мне как к заблудшему сыну. Ещё бы. Нас изгнали в тридцатых. А комсомолка Агриппина осталась дома. Но маленькая моя сохранила в святости албазинское предание. И всегда, с отроческих лет, я знал: за спиной у меня земля обетованная. Как для иудея Израиль. Сравнение шаткое. Ибо казаки, пошедшие с Урала на восток, не могли остановиться. Наверное, под державную руку русского Царя они взяли бы и северную Америку. Не сиделось им на месте. Брожение крови. Вольница. Лев Гумилёв сказал бы – взрыв пассионарности¹. «Пассионарии - особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения».)

Какое отношение имели к взрыву пассионарности предки Агриппины Дорохиной? Прямое. Как и мои предки. Сначала они дошли до Енисея. Потом одолели Байкал и, казалось, осели. Им успели прозвище дать – гураны. Но в XIX веке явился новый вождь – генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Что ему-то не сиделось в

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Москва: Эксмо, 2007.